

Р. П. СМИРНОВ

О ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОПОГРАФИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Элементы городской топонимики Херсонеса позднеантичного времени сохранили до наших дней церковная и светская, «патриографическая», традиции. К первой относится такой агиографический памятник как «Жития херсонских епископов», ко второй — городские легенды или как назвал их Моммзен, «херсонесские сказки», помещенные Константином Багрянородным в главе 53 его труда «Об управлении империей». Обе традиции передают реальные исторические сведения и, по выражению В. В. Латышева, «топографические подробности», каждая по-своему акцентирует внимание на различных районах позднеантичного города, порой искажая действительность (Константин Багрянородный 1989: 450–451; Дагрон 2000: 295–296). Целью настоящей работы было показать, что и городские хроники, и Жития, в свете результатов археологических исследований последних лет на городище Херсонеса, могут дать новую информацию.

Датировка житийного текста VII веком, предложенная В. В. Латышевым в начале XX века (Латышев 1906: 15–16), лишь спустя столетие стала подвергаться сомнениям (Золотарев, Коробков 1998: 69–70; Завадская 2000: 84), а совсем недавно А. Ю. Виноградовым, на основе скрупулезного анализа и сличения различных версий Житий, включая неизвестные В. В. Латышеву, была предложена новая интерпретация, удревняющая дату создания первоначального варианта — конец V — начало VI вв. (Виноградов 2010: 155). Автор настоящей статьи, соглашаясь с Виноградовым, склоняется к нижней границе — конец V века, что совпадает с первоначальным мнением Латышева, — если бы не упоминаемый в одной из версий Житий топоним «Туркия», заставивший Латышева омолодить датировку изначального текста (Латышев 1906: 14–16).

Очевидно, что в рукописи Жития из т. н. Императорского минология, созданного при императоре Михаиле IV, под Туркией подразумевались земли провинции Малая Скифия (Виноградов 2010: 21). Вероятно, Жития сохранили локальный топоним для второй половины V века, отражав-

ший ситуацию после смерти Атиллы и развала его державы, ведь тюрки входили в состав гуннского союза (Еремеев 1990: 132), а согласно Иордану, часть гуннов, после битвы на Недао (454 г.) во главе с сыном Атиллы Эрнаком, поселяется в Малой Скифии (Иордан 2001: 112, § 266; Левченко 1945: 36). Феофан Византиец, автор начала IX века, описывая события VI века, говорит: «в то время гунны, которых мы обыкновенно называем турками...» (Феофан Византиец 2005: 220). В то же время известно, что наименование народов в византийских памятниках, не являются этнонимами в строгом смысле слова, и включают в себя обширную область культурно-географических характеристик в соответствии с установками автора произведения (Бибиков 1982: 156).

Вероятнее всего, топоним «Туркия» в тексте Житий появился из-под пера ученого переписчика XI века, следовавшего литературной традиции своего времени (Константин Багрянородный 1989: 284–286). Для редактора Жития и его читателей этноним турки (т. е. венгры) и территория их расселения в XI веке были современны и понятны. На это же указывает и славянский перевод текста из основной редакции «Синаксаря Константинопольской Церкви», где сказано, что епископ Ефрем был послан к венграм (Виноградов 2010: 19–22).

Перечислим те топографические реперы, которые сохранила для нас церковная традиция, созданная в самом Херсонесе (Латышев 1906: 12–13) и записанная в конце V века, но впоследствии многократно редактированная. Фрагмент Жития из т. н. Императорского минология типа А в переводе Виноградова, где упомянуты урбонимы: «... И вот ему [Феоне] была выделена жителями самая восточная часть города для обитания его людей и людей епископа, то есть от региона так называемой Малой агоры и до места под названием Парфенон... приказав построить купель из обожженной извести, великий [еп. Капитон] крестил в ней всех. Воздвиг он и примыкающий к ней храм во имя первого и верховного апостола Петра» (Виноградов 2010: 171–172).

Начиная с первого издателя и комментатора Житий, не раз предпринимались попытки локализации этих «топографических подробностей». В. В. Латышев очень осторожно помещал древний храм св. Петра на месте триконхиального баптистерия, который входит в комплекс Уваровской базилики. Парфенон по Латышеву располагался западнее Уваровской базилики, а Малая агора — на востоке городища, пологом берегу Карантинной бухты (Латышев 1906: 53–55).

С тех пор современная историография несколько продвинулась в этом вопросе. Так, сейчас житийный храм св. Петра убедительно связывают с т. н. Восточной базиликой, № 36 по счету Императорской археологической комиссии (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 577–579; Сорочан 2001: 3–6; Сорочан 2005: 875–886). И такая интерпретация письменных данных, предложенная харьковским исследователем С. Б. Сорочаном, несмотря на возражения (Беляев 2000: 22–25), кажется, все больше завоевывает сторонников (Скржинська 2006: 71; Русяева 2007 а: 106–107; Буйских 2008: 173; Виноградов 2010: 83, 118). Под Парфеноном предлагают понимать участок вокруг Восточной базилики (Сорочан 2006: 230; Русяева 2007: 36–40; Буйских 2008: 172–173), который, согласно реконструкции А. В. Буйских и М. И. Золотарева в античные времена представлял собой теменос (Золотарев, Буйских 1994: 99–100), где располагались главные городские храмы и, возможно, сокровищница Херсонеса (Федоров 1985: 10), где хранилась казна (ΣΑΣΤΗΡ) города (Макаров 2009: 54–59) (рис. 1).

Таким образом, теменос (он же Парфенон) ограничен с юго-запада 1-й поперечной улицей, с северо-запада — 1-й продольной (северной), а с юго-востока — 1-й продольной (южной) и представляет собой кварталы Iв и С, по номенклатуре А. И. Романчук (Романчук 2000: рис. 17). Автор настоящей статьи, присоединяясь к тем исследователям, которые ставят знак равенства между археологически фиксируемым теменосом и житийным Парфеноном, убежден, что этот участок города и есть херсонесский акрополь, который многократно упоминается в эпиграфических памятниках.

В пользу этого соображения говорит обилие надписей, находимых во время раскопок непосредственно на территории теменоса или в непосредственной близости от него. Многие из известных найденных здесь декретов и посвящений, заканчиваются формулой «поставить на самом видном месте акрополя», например (IPE. I² 357), укажем лишь на самые известные надпи-

си: в честь полководца Диофанта (... *поставить также и его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса*) (IPE. I² 352) — найдена на I поперечной улице, сразу за стеной акрополя¹; в честь историка Сирика (... *выставить в притворе храма Девы*) (IPE. I² 344) — надпись найдена в границах акрополя близ I поперечной улицы; там же найден и договор о дружбе Херсонеса с царем Фарнаком (IPE. I² 402), и как еще один яркий пример приведем фрагмент декрета с указанной формулой, который был найден на дне колодца близ Восточной базилики, засыпанного в начале VII века (Соломоник 1983: 68–70). Так же укажем на собирающиеся надписи, когда один из нескольких фрагментов надписи был найден на территории теменоса (акрополя), что на наш взгляд говорит о том, что и вся надпись первоначально была установлена здесь — на акрополе (НЭПХ. II. 112, 113).

Традиция отечественной историографии располагать акрополь в центре городища идет, видимо, от К. К. Косцюшко-Валюжинича, однако он акрополем называл и площадь под Владимирским Собором (Косцюшко-Валюжинич 1898: 167–172) и район «Храма с ковчегом», недалеко от ворот «литера Е»² (Косцюшко-Валюжинич 1907: 24–26). Сейчас принято ставить знак равенства между акрополем и большой агорой античного Херсонеса и размещать их на площади под современным Собором св. Владимира (Буйских 2008: 175). Существуют и альтернативные локализации большой агоры, так Л. В. Марченко размещает агору в районе перекрестка Главной продольной и 15-й поперечной улиц (Марченко 1998: 81), а Е. Ю. Кленина к северо-западу от театра, в кварталах XXXVII–XXXVIII и XLIII–XLIV (Klenina 2008: 447, 453). Однако, площадь под Собором, остается, как кажется, общепринятым местоположением большой агоры.

На наш взгляд, херсонеситы разделяли агору, как общественно-политический и коммерческий центр, и акрополь (позднеантичный Парфенон), как культовый и административный центр. В средние века значение акрополя как культового и административного центра сохраняется, кроме христианских храмов, в восточном углу акрополя, примыкая к приморской крепостной стене, со временем рухнувшей, располагался городской

¹ Мужской род божества Парфений упомянутого в церковной традиции можно объяснить слиянием в позднеантичную эпоху культов богини Девы и других богов херсонесского пантеона, впрочем, предположение о намеренном искажении агнографами также вероятно (Русяева 2007: 37).

² Согласно общепринятой номенклатуре А. Л. Бертье-Делагарда эти ворота именовались «литера D» (Бертье-Делагард 1907: 91)

архив, где хранилась деловая и церковная переписка VI–XIII вв. (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 582; Алексеенко 2006: 11).

Сейчас сложно сказать каким было первое христианское сооружение на территории Парфенона (акрополя), была ли это Восточная базилика или первоначально небольшие здания христианской общины города соседствовали с языческими храмами, ведь эпоха и размеры участка позволяли. К сожалению, именно на эту часть городища пришелся этап становления херсонесской археологии — в 1870–80-е гг. здесь ведет раскопки Одесское Общество Истории и Древностей. В 1888 году, когда раскопки Херсонеса Таврического перешли в ведение Императорской Археологической комиссии, это место исследует производитель работ, а впоследствии заведующий «Складом местных древностей» К. К. Косцюшко-Валюжинич. В 1908–14 гг. археологическое изучение этого района продолжил Р. Х. Лепер. Однако поскольку ни строительные остатки, ни стратиграфия не были должным образом зафиксированы, информативность проведенных значительных по объему работ невысока (Гриневич 1927: 23–39).

Только в 1970-е и 90-е годы экспедицией под руководством М. И. Золотарева были доследованы нетронутые участки теменоса и земляные попы под позднесредневековыми кладками. Результаты раскопок, анализ стратиграфии и археологического материала позволяют утверждать, что этот район города — собственно теменос (Акрополь, Парфенон) — до IV–V вв. н.э. оставался не застроенным (Золотарев 1996: 37–38, 46; Золотарев, Ушаков 1997: 32–33).

Другой незаслуженно забытый источник по строительной истории позднеантичного Херсонеса — индиктные клейма. В свое время А. И. Романчук, опираясь на работы Е. Мамбури, Р. Деманжеля и В. Бешевлиева, широко датировала плинфу с индиктными клеймами, которую использовали при строительстве рыбозасолочных цистерн — V–VII вв. (Романчук 1973: 49; Романчук 2000: 93). М. И. Золотарев, доследовавший раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в I квартале (время возникновения комплекса V–VII вв. определено по керамическому материалу), опираясь на исследования Д. Т. Райса, датировал плинфу с индиктными клеймами первой половиной V в. (Золотарев 1977: 29–30). Однако, мы, в свою очередь, опираясь на новый монументальный труд по раннесредневековым клеймам Константинополя английского исследователя Дж. Бардилла, можем сузить дату наших индиктных клейм до второй четверти V столетия (Bardill

2004: 237, 257. № 509, № 654). Далее необходимо отметить, что цистерна S_1 откуда происходят клейменные кирпичи, по наблюдениям К. Э. Гриневича, входит в один комплекс с цистернами $O_1 N_1$ и O_5 (Гриневич 1930: 24), а цистерна O_5 была сооружена посреди 1-й поперечной улицы, перегородив ее. Следовательно, второй четвертью V века можно датировать значительные перепланировки и активизацию строительной деятельности, как на самом Парфеноне, так и вокруг него. Вероятно, приблизительно в это время и появляются первые христианские (епископские?) постройки на Парфеноне, их характер и размеры сейчас восстановить можно лишь гипотетически.

Еще один косвенный аргумент в пользу существования именно епископского комплекса на херсонесском Акрополе — это находка в его южном углу фрагментов епископского серебряного потира XII–XIII вв. (Коробков 1999: 307). Видимо, после того, как в VI веке соборный храм и резиденция епископа из акрополя были перенесены в IV квартал, а вскоре комплекс Уваровской базилики включал и V квартал (Завадская 1997: 305; Клемина 2008: 66–68), Парфенон с его почитаемым храмом св. Петра продолжал играть значительную роль не только в общегородском, но и в узком церковно-административном смысле³ (рис. 2).

Если местоположение Парфенона и житийного храма св. Петра в восточной части городища почти не вызывает возражений, то с локализацией другой «топографической подробности» — Малой агорой, сложнее. Еще В. В. Латышев, следуя за текстом Жития, где сказано про «самую восточную часть города» мысленно рисовал линию от «Уваровской» базилики на Северном берегу на юг городища, тем самым располагая Малую агору где-то в районе порта, ближе к восточной оконечности городища (Латышев 1906: 53). Подобную локализацию в своем обширном исследовании «Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху» дает и А. В. Буйских (Буйских 2008: 207–208).

Однако, совсем в другом месте, хоть и оговариваясь, что вопрос требует дальнейшей разработки, располагает Малую агору С. Б. Сорочан — в центральной части городища, вблизи ворот «литера D», на перекрестке главной продольной и 15-й поперечной улиц, там где Л. В. Марченко размещал большую агору. Именно этот «крещатик», насыщенный общественными сооруже-

³ Впрочем, находка потира может также означать и то, что после некоторой деградации в XI–XIII вв. епископского комплекса на Северном берегу (Завадская 1997: 308–309), часть или все функции епископского центра были вновь перенесены обратно на акрополь, близ Восточной базилики.

ниями, по мнению Сорочана и есть собственно «Малая агора», а регион Малой агоры — это вся юго-восточная часть городища границей которого с северо-запада является Главная продольная улица, а с юго-запада — 15-я поперечная (Сорочан 2005: 691–693).

Таким образом, Херсонес, по Сорочану, повторял древнеримское внутригородское административное деление на четыре примерно равные части — *regiones* (Сорочан 2005: 880–881, 1273, прим. 179). Однако, известно, что уже при Августе Рим был поделен на 14 округов (Грегоровиус 2008: 14–26), похожее административное устройство было в Равенне и других городах Италии (Бородин 1991: 121–123). Константинополь — столица Восточной римской империи — также был разделен на 14 округов, описание которых сохранила до наших дней латинская письменная традиция — *Notitia urbis Constantinopolitanae* (Seeck 1876: 229–243). Кроме того, следуя букве Житий, под урбонимом «Феоновка/Феонина сторона», понимается место, где расселились люди епископа и воины Феоны. Автор Житий, говоря о «самой восточной части города», вряд ли подразумевал практически треть Херсонеса — весь юго-восточный район и частично северо-восток, однако С. Б. Сорочан настаивает, утверждая, что «Феонина сторона» «... включала участок от южных [литера D], т. н. «Мертвых ворот», поблизости от которых, у перекрестка находилась малая агора...» до Восточной базилики (Сорочан 2005: 880–881). Все же думается, что церковная традиция сохранила более локальный топоним, а значит, Малая агора располагалась гораздо ближе к Парфенону.

По нашему убеждению, Малую агору следует локализовать в районе Базилики Крузе. К такому выводу приводят наблюдения общей топографии участка, данные аэрокосмической съемки и результаты археологических исследований. Сложный рельеф этой части городища заставлял организовывать пространство террасами. А. В. Буйских даже реконструировала здесь трассу древнейшей крепостной стены (Буйских 2008: 293, рис. 8.2). Малоисследованность этого района городища оставляет много вопросов, однако, анализируя космические и аэрофотоснимки разных лет можно уверенно предполагать, что здесь, к северо-востоку от Базилики Крузе была обширная торговая площадь (ок. 500 м²), оформленная по периметру портиком. Вокруг площади, согласно результатам археологических исследований, размещались торгово-складские и хозяйственно-ремесленные комплексы. Так, к юго-западу, югу

и юго-востоку от центральной площади Малой агоры размещались рыбозасолочные комплексы (Аркас 1848: 258; Тахтай 1943: 7; Ушаков, Дорошко, Тюрин 2010: 443). На северо-востоке от торговой площади (сейчас здесь 12-ти метровый обрыв и исследованы остатки крепостной стены X века), сразу за поперечной улицей (назовем ее 1 а), вблизи античной крепостной стены у обрыва, который в то время был на 20–30 м мористее, в эллинистическое время располагались керамические мастерские. Здесь были обнаружены остатки печей и ям для замеса глины. Заметим, что этот гончарный центр лежал в непосредственной близости от малой агоры и в 120 м от мастерской короппласта, расположенной в границах акрополя. Во II–IV вв. на месте мастерских появляются массивные здания, видимо также торгово-складского характера (Антонова 1967: 13–18).

Таким образом, ансамбль Малой агоры общей площадью около 0,4 га был ограничен с северо-запада II продольной (южной) улицей, с юго-запада — II поперечной, с северо-востока — Приморской крепостной стеной и обрывом, и с юга — скальным отрогом. Херсонесское плато в этом месте имеет достаточно крутой уклон (на 50-ти метровом отрезке перепад высот составляет 4 м), который завершается отвесным обрывом в 3–4 м высотой. Согласно И. А. Антоновой, именно вдоль этого отрога (обрывистой террасы) проходила первоначальная крепостная стена, которая в римское время была отодвинута к югу на 5–30 м (Антонова 1990: 11, 20–21).

Именно на Малой агоре, полагает автор настоящей статьи, размещался и «рыбный рынок» известной надписи II века (Соломоник 1973: II. 129). По мнению датского ученого Т. Беккер-Нильсена речь в надписи идет не столько о рыбном рынке, сколько о продуктовом рынке вообще, аналогичном римскому — *macellum* (Bekker-Nielsen 2007: 127–129). Он предположительно локализует херсонесский *macellum* на северном берегу, близ «Базилики 1935 г.», следуя в этом за С. Б. Сорочаном (Bekker-Nielsen 2007: 129–130). Однако некоторые соображения не позволяют принять предложенную в свое время С. Б. Сорочаном интерпретацию открытых раскопками Г. Д. Белова в 1951 г. строительных остатков. Дело в том, что «круглое сооружение», идентифицированное С. Б. Сорочаном как круглый павильон в центре городского рыбного рынка, было датировано II–IV вв. (Кадеев, Сорочан 1989: 91; Сорочан 2010: 356), что является ошибкой. На этом настаивает другой исследователь этого памятника — Е. Н. Жеребцов. Опираясь на свои наблюдения за стратиграфией

участка, во время исследований и реставрационных работ в 1956–57 гг., он утверждает, что «круглое сооружение» синхронно храму I «Базилики 1935 года», т. е. это V век (Жеребцов 1963: 209). Кроме того, нет полной уверенности в том, что «круглое сооружение» было действительно круглым, ведь раскопки со стороны улицы не были доведены до уровня «круглого сооружения», вероятнее всего, «круглое сооружение» — это полукруглая в плане площадка, являющаяся остатками лестницы, ведущей с улицы во двор «Базилики 1935 года». Тем более, что этому есть близкая аналогия: таким же образом оформлен главный вход в средний неф раннесредневековой базилики в Тиритаке (Гайдукевич 1949: 192).

Автор настоящей статьи убежден, что нераскопанная площадь близ Базилики Крузе и есть херсонесский *macellum* — рынок, в римских традициях окруженный портиком с колоннами. Эти колонны много позже будут использованы в качестве строительного материала при возведении средневековых портовых сооружений (Антонова 1971: 108). Здание, которое «зацепил» К. К. Косцюшко-Валюжинич к востоку от триконхальной апсиды Базилики Крузе является античной стоей. Об этом говорят строительные остатки, зафиксированные К. К. Косцюшко-Валюжиничем, и наблюдения об использовании в кладках Базилики Крузе античных архитектурных деталей (Косцюшко-Валюжинич 1893: 10; Айналов 1905: 70). Ширина северо-западной стои Малой агоры — 9 метров (Айналов 1905: 69, рис. 51), реконструируемая длина стои — около 30 м, если соседние портики были таких же размеров, то херсонесский *macellum* окруженный ремесленными и торговыми комплексами, вполне сопоставим с аналогичными сооружениями Римской империи (Архитектура античного мира 1973: 510–522, 560–562).

Базилика Крузе возводилась у западного угла рыночной площади, на малозастроенном месте, об этом говорит, по нашему мнению, ориентация самой базилики (рис. 3). Дело в том, что основная масса христианских культовых сооружений Херсонеса «зажата» рамками традиционной планировки античного города и лишь малая группа памятников сориентирована на восток или близко к нему. Важнейшее исследование этого вопроса — ориентировка храмов Херсонеса — было проделано Л. В. Фирсовым, однако работа, к сожалению, осталась не опубликованной. Идея Л. В. Фирсова датировать памятник в зависимости от истинного азимута справедливо критиковалась (Завадская 2000: 78), но сам собранный фактический материал — инструментальное визирование выпол-

ненное профессионалом (измерения повторялись трижды) имеет большое значение (Фирсов 1973: 6–11). По нашему убеждению, из пяти азимутальных групп Фирсова следует сделать две: первая группа — это храмы, истинный азимут которых равен 54–82° и вторая — 35–50°. В первую группу входит 11 одновременных сооружений Херсонеса (храмов и их пристроек), т. е. это те здания, которые возводились на месте, исторически лишенном «сковывающей» застройки. В эту группу входит и Базилика Крузе (истинный азимут 73,5°) (Фирсов 1973: 23–24). Во вторую группу входят все остальные христианские храмы внутри стен Херсонеса, которые не смогли прервать градостроительные традиции, идущие с античных времен, сохранив старую планировочную структуру (Фирсов 1973: 18–19).

Датировка Базилики Крузе «почти исключительно» пятым веком, предложенная А. Л. Якобсоном, основывалась на композиционных и стилистических аналогиях ближневосточных памятников (Якобсон 1959: 190). Современные же раскопки Базилики Крузе, ведущиеся с 2005 года экспедицией под руководством С. В. Ушакова, позволяют утверждать, что базилика была возведена в VI в., в юстиниановское время (Ушаков 2008: 353). Возможно ли примирить эти две даты? Как отмечалось, в раннесредневековое время бывало, что триконхальные мартирии впоследствии перестраивались и превращались в базилики с триконхальными апсидами (Завадская 2001: 267–268). Видимо так и произошло с Базиликой Крузе, когда первоначальный план сооружения был значительно меньше, триконх возведенный в V веке, расположился на месте помещения с пифосами (Ушаков, Дорошко, Тюрин 2010: 443), с внешней стороны портика, у западного угла площади, при этом, не мешая движению по II продольной (южной) улице. Но уже в эпоху Юстиниана, сохраняя почитаемый триконх, относительно небольшой мартирий (?) перестраивается в базилику при сохранении общей ориентации храма, что потребовало значительной перепланировки района. Так западная часть Малой агоры полностью меняет свой статус с торгово-складского на культовый, а южный угол жилого квартала ХСVIIIа нивелируется и попадает в зону церковного строительства (Ушаков, Тюрин 2009: 307–308) (рис. 4). На то, что строительство большой базилики происходило в VI веке, указывает не только археологический материал, но и конструктивная особенность здания — южный неф возводился на толстом слое насыпного грунта и для его укрепления использовали вбитые сваи (Ушаков 2007: 395), как

и при строительстве апсиды «базилики 1935 года» (храм II) (Белов 1938: 89–90).

Таким образом, большое трехнефное здание Базилики Крузе является вторым строительным периодом существовавшего здесь раннехристианского сооружения.⁴ О том, что апсида перестраивалась, говорят наблюдения археологов (Ушаков, Дорошко, Тюрин 2010: 443). Следовательно, к древнейшим христианским храмам V века можно отнести не только храм I «Базилики 1935 года» (Жеребцов 2009: 146–147), но и первоначальный триконх Базилики Крузе и ранний храм св. Петра, существовавший на акрополе до возведения Восточной базилики. Однако есть основания полагать, что христианское храмостроительство в Херсонесе имеет и более древнюю традицию.

Ранее отмечалось, что самые первые христианские постройки Херсонеса еще не раскопаны или не распознаны (Хрушкова 2004: 175). Автором настоящей статьи предлагается под новым углом посмотреть на крестообразную башню XX в северном углу Цитадели. Отчет о раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1906 году был составлен сразу после скорострительной кончины исследователя в самой общей форме его сподвижниками, в тексте этого отчета крестообразная башня датировалась «римской эпохой» и говорилось, что «внутреннее помещение башни было крыто крестовым сводом» (Косцюшко-Валюжинич 1908: 60–61). Доследования, проводившиеся во время реставрационных работ нач. 1970-х гг. также не прояснили ситуацию. Высокие грунтовые воды в этой части городища не позволяют изучить стратиграфию и строительные остатки района (Антонова 1996: 117; Антонова, Зубарь 2003: 39). Многократные перестройки и ремонты фортификационных сооружений Цитадели, проводившиеся в древности, только запутывают дело. После того, как в 1995 г. в основании 21 куртины нашли надпись, датируемую концом III в. (Костромичев 2011: 121), можно утверждать, что конфигурация куртины на рубеже III — IV вв. и, вероятно, на протяжении всего IV века была другой. Северный участок 21-й куртины не поворачивал к крестообразной башне XX, а шел к башне XIX.

Таким образом, отдельно стоящая «Башня XX», по нашему убеждению, является ранним (возможно самым ранним) христианским храмом, как характерно для той эпохи — *extra muros*, возможно это и был кафедрал Эферия. Во всяком

случае, уже А. Л. Якобсон осторожно предлагал видеть в «башне» общественное здание (Якобсон 1959: 104), А. Ю. Виноградов в тексте Житий видел указание на существование храма при Феоодосии (Виноградов 2010: 59–61), Л. Г. Хрушкова, датировавшая крестообразный загородный храм, что в Карантинной балке временем сразу после II Вселенского Собора, также указывала на вероятность существования кафедрала Эферия (Хрушкова 2004: 180; Хрушкова 2005: 399). И действительно, признавая в башне XX раннехристианский храм, восточная ветвь которого сориентирована на «летний восток», кажется логичной находка на вершина епископского жезла в соседнем портовом квартале I, на расстоянии в 80–90 м. Навершие датируется издателями концом IV - началом V вв. (Матанцева, Сорочан 1992: 90–95). Возможно, именно на этом месте, в херсонесской гавани, где впоследствии появилась «крестообразная башня XX», приплывший на корабле Капитон проповедовал горожанам, слушавшим его с крепостных стен, будто в театре. Глубокая дуга позднеантичных портовых крепостных стен могла усиливать акустические возможности голоса епископа, что произвело впечатление на херсонеситов и сохранилось в церковной традиции: «... достигши Херсонса, он [Капитон] в середине дня был принят верными, которые находились за городом, с великой радостью и большим весельем. Тотчас собрав их у самой стены, он стал учить богопочитанию» (Виноградов 2010: 170) (рис. 5).

Возвращаясь к «топографическим подробностям» и позднеантичному зонированию города отметим, что церковная традиция сохранила до наших дней названия двух городских округов (*regiones*), занимавших северо-восточную и восточную части города — «регион Парфенон» и «регион Малая агора» где, как и в столицах — самое выдающееся здание или комплекс давали название всему округу. Несмотря на то, что площадь Херсонеса в 30–40 раз меньше столичных, автор полагает, что в позднеантичное время Херсонес делился на 6–7 округов/регионов. И такое зонирование города восходит ко времени не позже Александра Севера (222–235 гг.), а возможно и ранее, к эпохе Коммода, во всяком случае, деловая переписка города с наместником провинции Нижняя Мезия указывает на некие границы внутри полиса (Макаров 2003: 135–136).

Анализируя патриографическую традицию, встречаем название еще одного района — Сузы/Сосы (Константин Багрянородный 1989: 455, прим. 34; Сапрыкин 1987: 50). Принимая огласовку рукописи Σουσσων, согласимся с теми

⁴ Упомянем о другой модели строительной истории Базилики Крузе, так, к первому этапу относят существование триконхальной апсиды и центрального нефа, позже появляются боковые нефы базилики (Ушаков, Моор, Снитко 2010: 145–146).

исследователями, которые размещают Сусон в Портовом районе Херсонеса (Сапрыкин 1987: 50). Этимология топонима не совсем понятна, возможно, иранского происхождения, как туземный реликт или место концентрации ираноязычного населения (Пятышева 1967: 183–185) или из-за красивых очертаний древних берегов Карантинной бухты, «сусон» в переводе с персидского, согласно Афиней, значит «лилия» (Афиней 2010: 204, 513f). Однако, по нашему мнению, не смотря на сохранение в позднеантичную эпоху полисных традиций (Русяева 2006: 74), также заметна и некоторая романизация части населения Херсонеса (Соломоник 1973: 273). В связи с этим, учитывая долгое пребывание римского контингента в городе, не стоит ли выводить херсонесский Сусон — Портовый район и Цитадель — от латинского «sus» — свинья, кабан, вепрь. Во-первых — известно, согласно мифологической традиции, что не последнюю роль кабан играл в рождении Гераклеи — метрополии Херсонеса;⁵ так же свинья — это жертвенное животное почитаемой в Херсонесе Деметры;⁶ убийство Эриманфского вепря Гераклом (пятый подвиг), культ которого был популярен в Херсонесском государстве (Зубарь 2004: 131–135). Во-вторых, если смотреть на портовый район, укрепленный мощными башнями, с южных крепостных стен верхнего города, то эта часть Херсонеса в позднеантичное время очертаниями напоминала морду кабана, ошетилившегося клыками. Визуальный образ мог дать название району. И в-третьих, можно вспомнить сообщение Феофана о двух разрушенных полководцами Юстиниана II башнях: Сиагр (кабан, вепрь) и Кентенарий (Феофан 2005: 277).

Попытки локализации этих башен были начаты еще в конце XIX века. А. Л. Бертъе-Делагард помещал башню Сиагр на месте башни XVII (т. н. башня Зенона), за ее самый большой диаметр и коренастый вид. А Кентенарий на месте соседней башни XVIII (Бертъе-Делагард 1907: 165). В начале XXI века были предложены другие локализации упомянутых башен. Полагают, что это башни XXVI и XXVII (Романчук 2000: 41), согласно другой версии — Сиагр называли башню XVIII из-за её массивной и редкой формы, а Кентенарий — это недавно открытая башня XLI (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 524–526; Со-

рочан 2005: 1331, прим 399). Автор находит резонным замечание С. Б. Сорочана относительно башни XVIII, действительно, в позднеантичное время у башни Зенона (XVII) было лишь одно утолщение (Антонова 1996: 119), и она не сильно отличалась от других крупных башен города, но угловая сильно выдвинутая U-образная башня XVIII, могла ассоциироваться с клыком кабана или самим зверем. Однако локализацию башни Кентенарий мы намерены предложить другую. Если приводить в качестве аналогии башню с таким же названием в Константинополе, которая стояла на берегу моря и к которой крепилась цепь, перегораживавшая вход в бухту Золотой Рог (Ласкин 1904: 109), то херсонесская башня Кентенарий должна находиться у входа в Карантинную бухту. По нашему мнению это башня XXIII или рядом находящаяся башня, но разрушенная абразией берега. Именно от нее стратегически правильно было бы протянуть цепь на восточный берег Карантинной бухты и запереть вход в нее, или протянуть цепь до башни XVIII (Сиагр) и запереть вход в гавань. Может быть, именно поэтому эти башни карательная экспедиция Юстиниана II и разрушила, пытаясь со стороны моря, где нет протейхизмы, штурмовать город. Вероятно, даже не столько башни были разрушены, сколько передние, сильно вынесенные фасады, если допустить, что башня XXIII была также U-образной в плане как и XVIII.⁷ Именно поэтому частичное разрушение фланговых портовых башен и не имело катастрофических последствий для обороны города. Башни такой формы возводились по всей Римской империи от Дуная (Балабанов, Бояджиев, Тулешков 2000: 88) до Египта (Карелин 2008: 8).

Башня Кентенарий названа так, возможно, в память о некоем сотнике (Феоне?), расквартированном со своими войсками в этом районе (вдоль восточных крепостных стен — от башни XXIII до Парфенона), известно, что после реформы армии — сотник (centenarii) являлся низшим офицерским чином (Вегеций II 8). Картографирование найденных на городище фрагментов латинских надписей, проведенное Д. А. Костромичевым в его новейшем исследовании по военному присутствию римлян в Херсонесе, указывает на «пятно» концентрации латинских надписей в районе куртины 25, что косвенно подтверждает нарисованную нами картину (Костромичев 2011: 129) (рис. 6).

Однако название башни возможно еще древнее и происходит от procurator centenarii, т. е. в этом районе размещалась резиденция прокура-

⁵ Гераклея Понтийская была основана на могиле героя Идмона, смертельно раненного кабаном (Апполоний Родосский. Аргонавтика. II. 825) (Кулишова 2001: 145–146).

⁶ В Цитадели, раскопками В. В. Борисовой, были открыты керамические печи, бытовавшие до массового римского строительства в этом районе. В них были найдены фрагменты форм для формовки статуэток Деметры (Борисова 1966: 16–17).

⁷ Остатки башни XXIII, раскопанные К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1905 г. не сохранили фасада.

тора. Именно здесь, вероятнее всего, проживал финансовый прокуратор Мезии Кальпурниан со своей женой, когда в праздничные дни весны 174 года н.э. херсонесский народ чествовал их обоих на агоре (Яйленко 1999: 173) и несколько ранее, когда еще не было известно, чем закончится его военно-дипломатическая миссия.

К слову о доверии к городским хроникам, которые использовал Константин Багрянородный, — думается, что такое событие как чествование прокуратора «водворившего мир» не могло не отразиться в патриографической традиции и, вслед за Л.И. Грацианской, которая поставила под сомнение правомочность датировать первые четыре сюжета главы 53 рубежом III–IV вв. (Грацианская 2004: 91–93), так же настаиваем на времени для первого рассказа — это вторая половина II в. н.э. Дату рассказа можно даже сузить, определив междоцарствием после смерти Евпатора 170/171 гг. и восхождением на престол Савромата II в 173/174 гг. Видимо, междинастические споры и отсутствие сильной монархической власти на Боспоре в сложное время Маркоманских войн совсем не устраивали Рим и на престол был посажен человек, готовый проводить проримскую политику умирения окрестных племен.

Кажется, правы В.М. Зубарь и М.В. Скржинская, показавшие, что при Евпаторе не Рим субсидировал Боспорское царство, а наоборот, Боспор выплачивал «форос» империи (Зубар, Скржинская 1997: 119–121), тогда объясняется присутствие финансового прокуратора при переговорах между будущим правителем Боспора и Римом. Кстати, на финансовых взаимоотношения Рима и Савромата в первом рассказе особо сосредоточено внимание (Константин Багрянородный 1989: 251). Видимо Рим отказывался от выплат в свой адрес в обмен на активную проримскую позицию и борьбу с варварами Крыма и Причерноморья. Судя по рассказу, херсонеситы выступали не только в роли финансовых консультантов, но и участвовали в локальной операции «по принуждению к миру» Савромата или его конкурирующих династий. Кавказский эпизод рассказа объясняется столкновениями алан, воспользовавшихся слабостью Боспорского царства с войсками Кавказского лимеса, в частности вексилляциями XV легиона, который в 175 г. (!) за верность императору получил прозвище *Certe Constans* (Перевалов 2007: 7–8), это прозвище со временем в городской традиции или из-под пера Константина Багрянородного деформировалось в «консула Константа». Таким образом, не решаясь что-то определенное сказать об «оставшихся» сюжетах «Повествова-

ния о крепости Херсон», первый рассказ можно совершенно определенно выводить из константиновой эпохи. Возможно, этот рассказ был изложен в несохранившейся части декрета в честь Кальпурниана и его жены, который дошел до нас в сильно фрагментированном состоянии.

Какую еще информацию о топографии Херсонеса можно «выудить» из 53 главы? *«Дом же его в четыре строения простирался в ширину и длину вплоть до нижних частей [города], называемых Сосы, где он имел собственные ворота в стене и четыре большие калитки для входа и выхода вместе с другими особыми воротцами, так чтобы из входивших в город его животных каждое стадо — коров, коней и кобыл, быков и телок, овец и ослов — входило через свои воротца и шло в свое стойло...»* (Константин Багрянородный 1989: 261), это образное описание портового района (портовый квартал I и портовый квартал II) и участка городища, условно называемого Цитадель. Русский перевод в этом месте следует за английским (Constantine Porphyrogenitus 1967: 273), во французской версии подразумевается четыре области/участка⁸. Не стоит ли тут видеть прямое топографическое указание на «четвертый регион»? Небольшое искажение городской легенды, и достаточно точный и главное точечный топографический репер «дом Ламаха», расположенный в «четвертом регионе», после редакции Константина уже раскинулся по четырем областям/участкам или по четырем строениям больших размеров, и вот уже городская хроника превращается в сказку.

Итак, из реконструкции патриографического сказания следует, что Цитадель, Портовый район и, вероятно, склон плато, т.е. вся юго-восточная часть позднеантичного Херсонеса во внутригородской номенклатуре называлась «регион IV» или «Сусон», по названию херсонесской гавани или по названию крайней фланговой башни XVIII, грозным массивом нависавшей над портом.

В приведенной выше цитате говорится также о крепостных калитках и воротцах для каждого вида домашнего скота, что на наш взгляд может служить указанием на бытовавшее в то время то или иное название этих калиток. В качестве аналогий можно вспомнить похожие названия в крупных городах античности. Например Бычий форум и Ослиные ворота в Риме (Platner, Ashby 1929: 224–225, 404), Овечьи и Конские ворота

⁸ De Administrando Imperio. (bilingue) Oeuvre mise en page et traduite par Marc Szwajcer. Режим доступа <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/constantin/administration24.htm>

в Иерусалиме (Нее. 3.1, 32; 3.28). Подобные имена могли носить и херсонесские ворота и калитки портового района. Такие топонимы говорят о существовании в этом районе мясного рынка и вообще рынка скота. И действительно, Портовый квартал II, судя по всему, застраивается лишь в позднеантичное время (Романчук 2000: 168), сама Цитадель до прихода римлян представляла собой малозастроенный военно-промышленный центр, где существовало керамическое производство (Борисова 1966: 16–17) и квартировали войска (вспомним двести «спрятанных» боспорян сказания о Гикии), что соотносится с реконструируемой численностью римского гарнизона в 500 человек, расквартированного в Цитадели (Кадеев 1981: 28). На этих площадях могли разместиться и скотобойни и разного рода рынки, где реализовывалась продукция животноводства и велась активная торговля.

Можно ли локализовать «дом Ламаха», зная, что он располагался в относительно неплохо исследованном юго-восточном районе Херсонеса? Слова из приведенной выше цитаты — «собственные ворота в стене», по нашему мнению, позволяют «дом Ламаха» располагать в Портовом квартале I — это большое общественное здание, у куртины 16, условно называемое Казармой, в непосредственной близости от городских ворот. Предлагалось видеть в этом здании таможню, биржу и своего рода торговый центр (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 498; Буйских 2008: 119). Однако, гипотеза С. В. Дьячкова, о том, что это «дом для сисситий», кажется предпочтительней (Дьячков 1994: 150). И действительно, для традиционной общины такого дорийского центра, каким был Херсонес, здание для общей городской трапезной кажется необходимым (Андреев 2004: 142), — своего рода «дом скопарха», где трапезничали представители херсонесских фил (Кадеев 1981: 41–42). В таких домах могли собираться и различные коллегии, решая городские проблемы. Таким образом, анализ археологического материала, проведенный С. В. Дьячковым (Дьячков 1999: 210–213), архитектурная реконструкция всего здания, предложенная А. В. Буйских (Буйских 2008: 116–120, рис. 51–51,81), и описание праздника в память об отце Гикии, сохраненном в пятом херсонесском рассказе 53 главы трактата Константина Багрянородного, говорят в пользу гипотезы С. Д. Дьячкова. Последующие события рассказа, когда по настоянию Гикии горожане стали засыпать мусором дом, «служивший делу заговора против города», подтверждаются стратиграфическими наблюдениями. В первые века н. э. здание

полностью перестраивается, меняя свой характер с общественного на хозяйственный. В его стенах появляется винодельческий комплекс, а несколько позже и рыбозасолочный (Дьячков 1999: 210–213; Сапрыкин, Дьячков 1999: 77) (Рис. 7). Археологически фиксируется, что в римское время в непосредственной близости от «Казармы» существовало железоделательное и сукновальное производство, отметим также, что все служанки Гикии пряли (Константин Багрянородный 1989: 269). Многолетними раскопками в этом районе определено, что в кон. I — нач. II вв. н. э. возводится протейхизма, городские ворота (литера E) в куртине 16 были заложены и перенесены выше по склону (литера D). (Антонова 1996: 110). Перестроенная «общественная трапезная», всю позднеантичную эпоху существует как крупный хозяйственно-ремесленный комплекс, который лишь в VI веке застраивается жилой застройкой (Дьячков 1999: 213). Сохраняя память об этом месте, «Дозором Ламаха» могли звать окрестности башни XIV. Поставленная на скальном утесе, на стратегически важном месте (Антонова 1996: 106), башня позволяла контролировать подходы с напольной стороны, поскольку с башни хорошо просматриваются как юго-восточные, так и южные крепостные стены. Так же с башни XIV как на ладони виден весь портовый район, что позволяло контролировать ситуацию и внутри города. Вблизи башни на склоне могло находиться здание военно-административного характера, предтеча средневекового фемного здания, появившегося впоследствии в Цитадели. Последующие раскопки в этом районе городища покажут насколько были верны наши интерпретации письменных и археологических источников.

В заключение, подытоживая сказанное, предлагаем нашу историческую реконструкцию эпохи создания «Житий». В 20-е годы V века кафедрал, располагавшийся за стенами города, на самом берегу моря, переносится на акрополь (Парфенон). В это же время (419 год) херсонесский епископ Асклепиад заступает за херсонесских протевон арестованных императором (Храпунов 2010: 371). В местной церковной традиции этот эпизод сохранился в житии Капитона, когда дети не желавших принять христианство горожан были переданы в качестве заложников воинам-христианам епископа Капитона (Виноградов 2010: 171). Вряд ли имел место факт предательства, скорее всего продажа государственной тайны варварам, за которую были арестованы херсонеситы, была лишь предлогом, для того, чтобы администрация Феодосия II смогла надавить на строптивую хер-

сонесскую элиту. И вскоре, видимо, не без участия гарнизона, первый епископский комплекс возводится в границах акрополя (Парфенона). Полагая, к этому комплексу стоит отнести мраморную преграду с молодым Христом, искусствоведы видят в этом безбородом образе сиро-палестинские влияния. В.В. Латышев, на основе иконографии и шрифта, датировал этот памятник IV–VI вв. (Латышев 1906: 55–56), А.Ю. Виноградов — IV–V вв. (Виноградов 2010: 111–118).

Много позже, в VI веке, епископский центр был вновь перенесен на почти 200 метров западнее, где ныне расположена большая (Уваровская) базилика.

Убеждены, что первоначальный текст «Жития» создавался до сооружения большого епископского центра в границах кварталов IV и V.

«Жития» создаются в 80-е — 90-е годы V века,⁹ как идеологическое обоснование окончательному разбору языческих храмов и массовому церковному строительству после сильнейшего землетрясения 480 г (Бертье-Делагард 1893: 82; Антонова, Никонов 2009: 24–31).¹⁰ Дело в том, что до этого момента оставались формальные основания не разрушать языческие храмы (СТh.16.10.17) и, вероятно, они просто стояли закрытыми, ветшая, или частично перестраивались под христианское богослужение, как это произошло с синагогой (Жеребцов 2009: 146). Видимо, в этот период именно епископат был проводником интересов империи, а епископ или автор жития — столичный человек, упомянувший в житиях общеимперскую «диоклетианову эру» и внутригородское деление на регионы, как в Константинополе. Поскольку точные границы «regiones» ни в Риме, ни в Константинополе не известны, они реконструируются гипотетически, на рис. 8 мы так же, гипотетически, реконструируем административное деление позднеантичного Херсонеса на округа, вряд ли их было больше семи, границы (и названия трех последних округов) предположительны: I — Агора, II — Парфенон, III — Малая Агора, IV — Сусон (гавань), V — Мертвые ворота, VI — Священные ворота, VII — стекольные мастерские (рис. 8).

Предложим еще одну гипотезу, всегда есть желание соотносить эпиграфические данные с письменными источниками, предлагаем видеть

в некоем донаторе Мартирии, упомянутом в надписи на двух мраморных алтарных преградах, найденных при раскопках Восточной базилики — 46-го Иерусалимского патриарха.¹¹ Православный патриарх Мартирий (478–486 гг.), ученик святого Евфимия, известный активной строительной деятельностью у себя в Палестине, узнав о стихийном бедствии, решил помочь братьям по вере, или император решил подключить церковь к делу восстановления городов империи после катастрофических землетрясений. Таким образом, эти преграды принадлежат второму храму св. Петра, т.е. собственно Восточной базилике, которая возводилась уже на совершенно выровненном месте.

«Жития» создавались в сложное время Энотика — вынужденного временного примирения православных и монофизитов. Именно этим объясняется осторожный текст агиографического памятника, когда список святых проходил внутреннюю цензуру автора «Жития» или даже согласовывался с лидерами православной и монофизитской общин города. В этом смысле уверенней смотрится высказанная гипотеза о существовании монофизитской общины в Херсонесе (Зубарь, Хворостяный 2000) или даже значительного числа сторонников этого учения (Золотарев, Коробков 2002: 71; Сиротенко 1964: 102). Культ св. Герасима Иорданского, другого ученика св. Евфимия, почитание которого в Херсонесе было доказано В.Н. Залесской (Залесская 1976: 37), выглядит как примиряющий, ведь известно, что первоначально Герасим увлекался зловерием, но святой Евфимий вернул Герасима в православие (Герасим Иорданский 2006: 166).

Продолжение археологического изучения городища позволит изменить наши взгляды на топографию позднеантичного и раннесредневекового Херсонеса, а настоящая статья — всего лишь заявка на дальнейшее, более детальное, исследование этого интереснейшего раздела херсонесской истории.

⁹ В это же время или несколько ранее, было записано сказание «о чуде, явленном над отроком св. мучеником Климентом» (Смирнов 2011: 34–35).

¹⁰ Развернутая критика теории катастрофических землетрясений, представленная в последних работах В.В. Хапаева и И.А. Завадской, требует таких же развернутых возражений, здесь лишь отметим, что автор остается сторонником теории катастрофических землетрясений И.А. Антоновой и А.А. Никонова.

¹¹ Алтарная преграда с надписью была датирована В.В. Латышевым IV–IX вв. (Латышев 1896: 28), А.Ю. Виноградовым IV–V вв. (Виноградов 2010: 119). А. Бернацкий в своем монументальном каталоге мраморных деталей средневекового Херсонеса датировал преграду VI веком (Biernacki 2009: 207).

ЛИТЕРАТУРА

- Айналов Д. В. Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса. 1. — М., 1905.
- Алексеенко Н. А. «Херсонесский архив печатей»: миф или реальность? *ХСб. XIV*. — Севастополь, 2006: 7–16.
- Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). — Санкт-Петербург, 2004.
- Антонова И. А. 1967. Отчет о раскопках и зачистках 28, 29 и 30 куртин восточной оборонительной линии Херсонеса в 1967 году. *НА НЗХТ. Д. № 1848*.
- Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху. *АДСВ. 7*. — Свердловск, 1971: 102–118.
- Антонова И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен). *АДСВ. Византия и сопредельный мир. Сборник научных трудов*. — Свердловск, 1990: 8–25.
- Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки. *ХСб. 7*. — Севастополь, 1996: 101–131.
- Антонова И. А., Зубарь В. М. Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса. *ХСб. XII*. — Севастополь, 2003: 31–68.
- Антонова И. А., Никонов А. А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье. *Очерки по истории христианского Херсонеса*. — СПб., 2009: 14–51.
- Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. *История Херсониса. ЗООИД 2*. — 1848: 245–271.
- Архитектура античного мира (Греция и Рим). / Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 2. — М., 1973.
- Афиней. Пир мудрецов. / кн. IX–XV в пер. Н. Т. Голинкевича. — М., 2010.
- Балабанов П., Бояджиев С., Тулешков Н. Крепостно строительство по болгарските земи. — София, 2000.
- Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–36 гг. — Севастополь, 1938.
- Беляев С. А. О храме апостола Петра в Херсонесе. Церковные древности. VIII Рождественские образовательные чтения. Сборник докладов конференции (27 января 2000 г.). — М., 2000: 5–28.
- Бертъе-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса. *ЗООИД 16*. — 1893: 45–88.
- Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. Крестообразный храм. — Крещальня. — Крепостная ограда. *ИАК. 21*. — 1907.
- Бибиков М. В. К изучению византийской этнонимии. *Византийские очерки. Труды советских ученых к XVI международному конгрессу византинистов*. — М., 1982: 148–159.
- Борисова В. В. Строительные керамические материалы. Херсонес. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. *САИ Г1–20*. — М., 1966: 13–17.
- Бородин О. Р. Эволюция муниципального устройства в северо-восточной Италии в эпоху византийского господства. *Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы: Межвузовский сборник научных трудов*. — Н. Новгород, 1991: 113–128.
- Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ. Supplementum. 5*. — Симферополь, 2008.
- Вегетий. Краткое изложение военного дела. / Кн. 1–4. пер. С. П. Кондратьева. *ВДИ*. — 1940 (1): 231–293.
- Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. — М., 2010.
- Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. *СА 6*. — 1940: 190–204.
- Герасим Иорданский. *Православная Энциклопедия 11*. — М., 2006: 166–169.
- Грацианская Л. И. Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio»). *Сар. 53. lin. 1–492*. *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. Ч. I*. — СПб., 2004: 87–94.
- Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). — М., 2008.
- Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь, 1927.
- Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера. *ХСб. 3*. — Севастополь 1930: 5–139.
- Дагрон Ж. Двуликий Крым (IV–X вв.). *МАИЭТ VII*. — Симферополь, 2000: 294–301.
- Дьячков С. В. Раскопки XIV продольной улицы в портовом районе Херсонеса Таврического. *Древности 1994*. — Харьков, 1994: 141–152.
- Дьячков С. В. Херсонесская археологическая экспедиция ХГУ в 1996–1998 гг. *Древности 1997–1998*. — Харьков, 1999: 210–213.
- Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков). *СЭ 3*. — 1990: 129–135.
- Жеребцов Е. Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса. *ВВ 23*. — 1963: 205–213.

- Жеребцов Е. Н. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. Замечания к археологической ситуации. Очерки по истории христианского Херсонеса. — СПб., 2009: 139–149.
- Завадская И. А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса. *БИАС I*. — Симферополь, 1997: 304–311.
- Завадская И. А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным). *МАИЭТ VII*. — Симферополь, 2000: 77–90.
- Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ VIII*. — Симферополь, 2001: 261–289.
- Залеская В. Н. О сюжетах двух херсонесских рельефов с «выемчатым» фоном. *СГЭ XLI*. — Л., 1976: 35–38.
- Золотарев М. И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе. *АДСВ 14*. — Свердловск, 1977: 27–33.
- Золотарев М. И. О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV в. до н. э. *ХСб. 7* — Севастополь 1996: 37–47.
- Золотарев М. И., Буйских А. В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции. *ВДИ*. — 1994 (3): 78–101.
- Золотарев М. И., Коробков Д. Ю. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р. Х. *Православные древности Таврики*. Сборник материалов по церковной археологии. — Киев, 2002: 68–73.
- Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса. *ХСб. VIII* — Севастополь, 1997: 30–45.
- Иордан. О происхождении и деянии гетов. *GETICA*. — М., 2001.
- Зубарь В. М. О характере культа Геракла в Херсонесском государстве в эллинистический период. *Боспорский феномен 2*. — СПб., 2004: 131–135.
- Зубар В. М., Скржинська М. В. До оінтерпретації одного писемного джерела з історії Боспора (Luc. Alex., 57). *Археологія. 4*. — 1997: 119–122.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. — Харьков, 1989.
- Карелин Д. А. Некоторые особенности значительных римских крепостей в Египте. *Архитектура и строительство России 12*. — М., 2008: 3–10.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989.
- Коробков Д. Ю. Византийский серебряный потир из раскопок в Херсонесе. *ХСб. X*. — Севастополь: 303–311.
- Костромичев Д. А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus. 4*. — 2011: 15–164.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1891 г.* — СПб., 1893: 2–20.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1896 г.* — СПб., 1898: 165–198.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1903 г.* — СПб., 1906: 20–43.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1906 год. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1906 г.* — СПб., 1908: 57–83.
- Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). — СПб., 2001.
- Ласкин Г. Словарь древностей Константинополя. — Киев, 1904.
- Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896.
- Латышев В. В. Жития св. епископов херсонских. Исследование и тексты. *Записки императорской Академии наук. Серия VIII.3*. — СПб., 1906.
- Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. *Византийский сборник*. — М.-Л., 1945: 12–95.
- Макаров И. А. Документальное досье о налоге на проституцию из Херсонеса Таврического. (К интерпретации IOSPE I² 404). *ВДИ*. — 2003 (4): 123–136.
- Макаров И. А. Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I (2) 401). *ВДИ*. — 2009 (2): 49–61.
- Марченко Л. В. Западный район Херсонеса в эллинистический период. *ХСб. 9*. — Севастополь, 1998: 80–82.
- Матанцева Т. А., Сорочан С. Б. Навершие архиерейского жезла с надписью. *Вестник Харьковского университета № 362. 25*. — Харьков, 1992: 90–96.
- Перевалов С. М. Легионы кавказского лимеса. *Вестник Владикавказского научного центра 7 (4)*. — 2007: 2–12.
- Пятышева Н. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI веках н. э. *Античное общество*. — М., 1967: 183–187.
- Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе. *АДСВ 9*. — Свердловск, 1973: 45–53.

- Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
- Русяева А. С. Полисные традиции и влияния в культуре Херсонеса Таврического в римскую эпоху. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. *Труды ГИМ 159*. — Москва, 2006: 56–75.
- Русяева А. С. Свидетельство Страбона о мысе Партений, храме и ксоаноне херсонесской богини Партенос. Древности Северного Причерноморья в античное время. *МАИЭТ. Supplementum. 4*. — Симферополь, 2007: 19–42.
- Русяева А. С. Проблемні питання інтерпретації культу Партенос — верховної богині херсонеської держави. *Богоспорские исследования. XVI*. — Симферополь-Керчь, 2007: 82–111.
- Сапрыкин С. Ю., Дьячков С. В. Новый римский алтарь из Херсонеса. *ВДИ*. — 1999 (4): 71–78.
- Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий). *СА*. — 1987 (1): 48–57.
- Сиротенко В. Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. *Ученые записки Пермского государственного университета 117*. — Пермь, 1964: 99–105.
- Скржинська М. В. Парфенон у Херсонесі Таврійському. *Україна в Центральній-Східній Європі*. — Київ, 2006: 67–85.
- Смирнов Р. П. «Неизмеримое море утихло и отступило назад»: чудо св. Климента — церковное предание и явление природы. *Херсонес — город святого Климента*. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии. — Севастополь, 2011: 34–35.
- Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. — Киев, 1973.
- Соломоник Э. И. Из эпиграфики Херсонеса. *ВДИ*. — 1983 (4): 66–87.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. М. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков 2000.
- Сорочан С. Б. Где находился херсонесский храм св. Петра? Херсонес Таврический. *У истоков мировых религий*. Материалы научной конференции. — Севастополь, 2001: 3–6.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. — Харьков, 2005.
- Сорочан С. Б. О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона. *ВВ 65 (90)*. — 2006: 223–230.
- Сорочан С. Б. Рец. на Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ. Supplementum 5*. — Симферополь, 2008. — 424 с. *Древности 2010*. — Харьков, 2010: 350–357.
- Тахтай А. К. Новая часовня в Херсонесе. *НА НЗХТ. Д. № 581*.
- Ушаков С. В. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2006 г. *Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр.* — Київ-Запоріжжя, 2007: 395–397.
- Ушаков С. В. Археологические исследования в северо-восточном районе Херсонеса Таврического (Базилика «Крузе») в 2007 г. *Археологічні дослідження в Україні 2006–2007*. — Київ, 2008: 349–353.
- Ушаков С. В., Тюрин М. И. Раскопки Базилики Крузе в 2008 г. *Археологічні дослідження в Україні 2008*. — Київ, 2009: 304–308.
- Ушаков С. В., Дорошко В. В., Тюрин М. И. О работе Херсонесской экспедиции в 2009 г. *Археологічні дослідження в Україні 2009*. — Київ, 2010: 440–444.
- Ушаков С. В., Моор В. В., Снитко И. А. Базилика «Крузе»: строительные остатки, строительная история и архитектурно-планировочная схема. *Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010»*. — Севастополь, 2010: 143–146 / режим доступа: http://ri.immpu.sgu.ru/sites/default/files/Lomonosov_2010.pdf
- Федоров Б. Н. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического. *КСИА 182*. — 1985: 8–11.
- Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Приск Панийский. Сказания Приска Панийского. — Рязань, 2005.
- Фирсов Л. В. Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. *НА НЗХТ. Д. № 868*.
- Храпунов Н. И. О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса. *МАИЭТ XVI*. — Симферополь, 2010: 365–373.
- Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения). *ВВ 63 (88)*. — 2004: 167–194.
- Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище. *Сугдейский сборник 2*. — Киев-Судак, 2005: 393–420.
- Яйленко В. П. К дискуссии о херсонесском дикрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида (II). *Закон и обычай гостеприимства в античном мире*. — М., 1999.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. *МИА 63*. — 1959.
- Bardill J. Brickstamps of Constantinople. vol. 1&2. — Oxford New York, 2004.
- Bekker-Nielsen T. The one that got away: a reassessment of the agoranomos inscription from Chersonesos (*VDI 1947.2, 245; NEPKH II, 129*). The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges. *Black Sea Studies 6*. — Gylling, 2007: 123–132.
- Biernacki A. W. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonozu Taurydzińskiego. — Poznan, 2009.
- Klenina E. Some Remarks on the Topography of the Ancient Chersonesus Taurica. Thiasos. *Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65. Geburtstag*. — Wien, 2008: 445–456.

Platner S. B., Ashby T. A Topographical dictionary of Ancient Rome. — Oxford-London, 1929.

Seeck O. Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et Laterculi provinciarum. — Berlin, 1876.

Р. П. Смирнов

О ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОПОГРАФИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена вопросам локализации на городище Херсонеса некоторых известных топонимов позднеантичного периода — Малой агоры, Парфенона, «дома Ламаха» и др., с привлечением широкого круга разнообразных источни-

ков, данных эпиграфики, археологии, агиографических текстов. Сделана попытка реконструкции топографии и административного деления города той эпохи, уточнены датировки некоторых исторических событий.

Р. П. Смирнов

О ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОПОГРАФИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена питанням локалізації на городищі Херсонесу деяких відомих топонімів пізньоантичного періоду — Малої агори, Парфенону, «будинку Ламаха» та ін., із залученням широкого кола різноманітних джерел, даних епіграфіки,

археології, агиографічних текстів. Зроблена спроба реконструкції топографії та адміністративного поділу міста тієї епохи, уточнені датування деяких історичних подій.

R. Smirnov

ON THE LATE CLASSICAL TOPOGRAPHY OF TAURIC CHERSONESOS

SUMMARY

The paper covers the issues related to location of some well-known toponyms of the Late Classical period such as minor agora, Lamachos' house, etc. at the site of ancient city of Chersonesos. The author researched the wide range of various sources including

epigraphy, archaeology, and hagiography. He has made an attempt to reconstruct the topography and administrative division of the city in the given period, as well as to clarify the chronology of some historical events.

Рис. 1. План-схема северо-восточного района Херсонеса, показана граница теменоса (Акрополя). Совмещены планы К.Э. Гриневича (1930 г.) и А.В. Буйских (2008). 1 – храм Девы; 2 – мастерская коропласта, открытая в 1888 г.; 3 – цистерна S1 на 1-й поперечной улице.

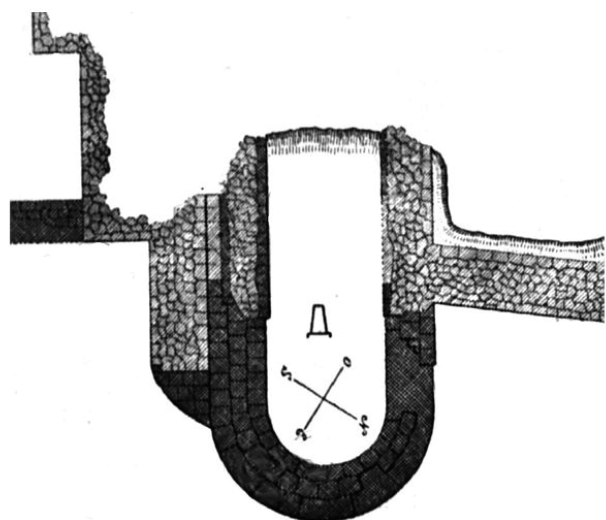
Рис. 2. Вид на восточную часть городища. 2005 г. (Фото В. Филлипова). 1 – Восточная базилика; 2 – место находки фрагментов серебряного епископского потира.

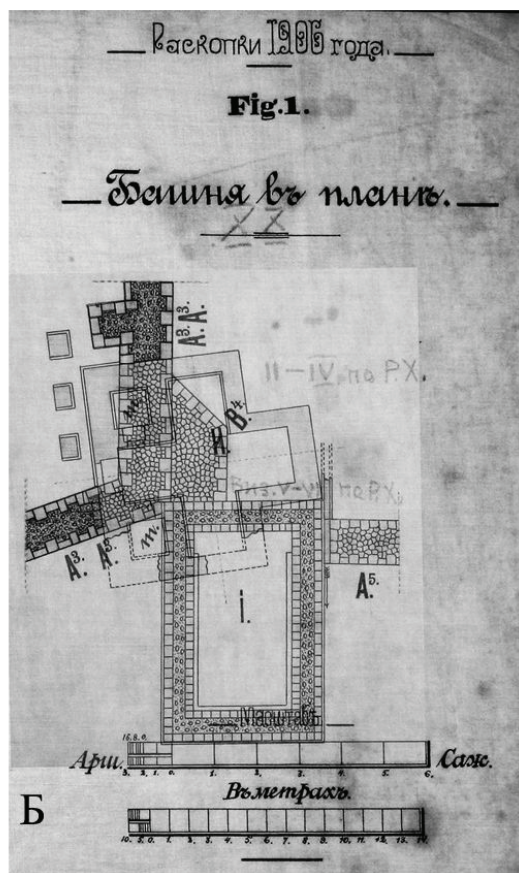
Рис. 3. План-схема района Малой агоры Херсонеса в V в. н.э.:
1 – macellum; 2 – триконх (1-й строительный период базилики Крузе).

Рис. 4. Спутниковый снимок восточной части херсонесского городища. 2010 г. (Google Earth):
1 – район Малой агоры, 2 – базилика Крузе (VI в.), 3 – район Акрополя (Парфенона).

А

Б

Рис. 5. Башни Цитадели (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу):
 А – башня XVIII (Сиагр?); Б – Совмещены планы позднеантичной «башни XX»
 и средневековой башни XX'.

Рис. 6. Сводная карта находок предметов римской военной материальной культуры
 (по Д.А. Костромичеву).

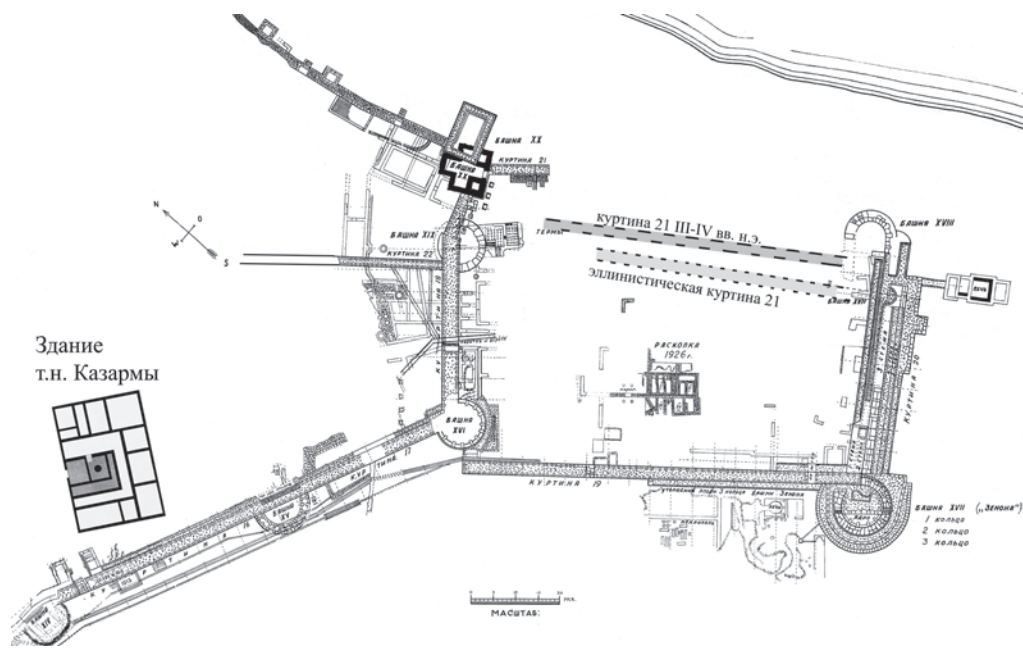

Рис. 7. План-схема Цитадели и Портового района.
Совмещены планы К.К. Косцюшко-Валюжинича и К.Э. Гриневича (1930 г.)
и схема здания т.н. Казармы (по А.В. Буйских).

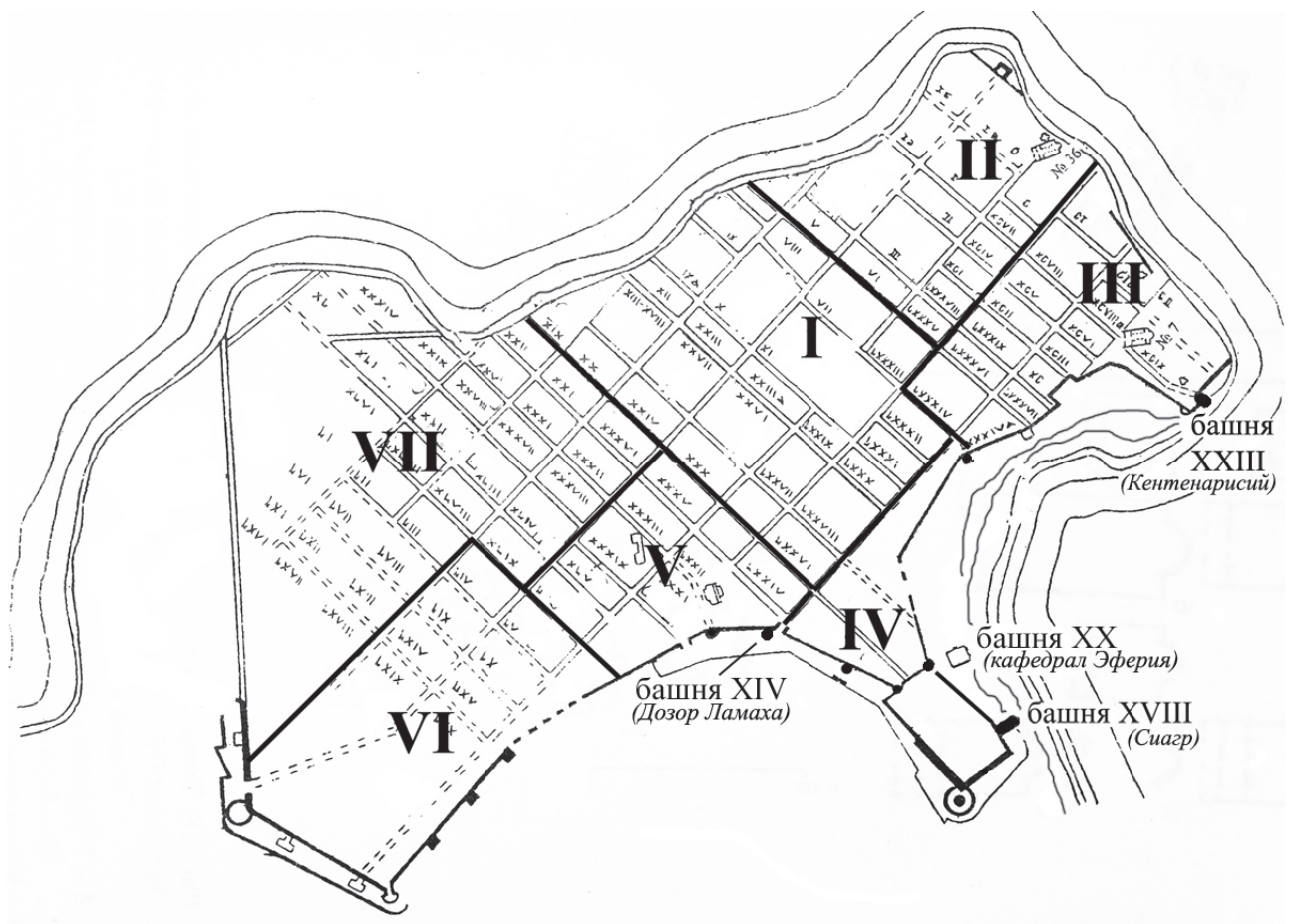

Рис. 8. Предположительные границы херсонесских «regiones» в позднеантичное время.